

НИНЕЛЬ НУАР

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
БАРЫШНИ СОФЬИ

Нинель Нуар

Вторая жизнь барышни Софьи

<https://litres.ru/74387033>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он разорил моего папеньку, разрушил мой брак и опозорил моё имя.

А потом погиб — глупо, рано, не успев ответить за содеянное. Но судьба дала мне второй шанс. Впереди бал, где мы впервые встретились. На этот раз я не позволю ему победить.

И умереть — тоже не позволю.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	45
Г	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Нинель Нуар

Вторая жизнь барышни Софьи

Пролог

Ледяные узоры украсили окно праздничным кружевом. Приближался конец года, пора чудес и сбывающихся желаний.

Для тех, кто верит в лучшее.

Я растерла ноющие пальцы и запястья. Горьковатый морозный аромат камфоры прочно впитался в руки, но это лучше, чем страдать от боли при каждом движении.

Мазь заканчивалась, и купить ее было не на что.

Какие уж тут надежды и мечты, когда в прохудившиеся ставни задувает ледяной ветер и приходится постоянно кутаться в одеяло, чтобы согреться.

Отломив кусочек от черствой булки, я размяла его в ладони и высыпала горсть крошек в центр круга Девяти.

Прогресс двигался неумолимо, стирая старые верования и создавая новые — в науку, в себя, в эволюцию... наверное, лишь такие древние бабки, застрявшие в прошлом, как я, продолжали поклоняться богам.

— Еще один день прошел, — прошептала я, еле двигая немеющими губами.

Беседовать вслух сама с собой — давняя привычка. Одиночество накладывает свой отпечаток.

Ни семьи, ни друзей.

Кому нужна престарелая разведенка, единственное занятие которой — кропать статейки в раздел сплетен и слухов?

Презренная, отринутая обществом невидимка.

Ком в горле становился все больше, мешая дышать. Я закашлялась, с трудом проталкивая воздух в легкие.

— Помогите! — хотела выкрикнуть, но вырвался лишь невнятный хрип.

Как глупо.

Как бесполезно.

Вся моя жизнь — череда неверных решений и ошибок.

Если бы только можно было прожить ее заново...

Глава 1

— Барышня Софья, просыпайтесь, барышня! — меня деликатно потормошили за плечо.

Как давно уже никто не называл меня барышней...

Интересно, кто поднялся в мою каморку? Хозяйка дома? Надеюсь, дверь не выломали, потому что на новую у меня денег точно нет.

— Ну барышня же, опоздаете! — в голосе, что меня настойчиво звал, появились плаксивые нотки.

И тут я его узнала.

— Дуняша? Ты? Но как?! — глаза распахнулись моментально.

Румяное круглое личико служанки маячило прямо над мной. Свежее, юное, точно как в прежние беззаботные времена. До того как неумолимый рок разрушил всю мою жизнь.

Точнее, не рок.

Человек. Один, но очень влиятельный и умный.

Гад, которого я ненавидела всю жизнь. Жаль, что он рано сдох.

— А кто же еще? — всплеснула руками Авдотья. — Поднимайтесь, солнышко уже почти встало. Батюшка вчера просил вас помочь с набором, запомятавали?

— Батюшка? — мысли ворочались в голове с трудом, как

чугунные.

Отец умер давным-давно. Его хватил удар после того, как наша газета разорилась. Тогда и закончились мои счастливые деньки, началась бесконечная борьба за выживание.

Муж ушел, не дождавшись наследства — ведь все имущество нашей семьи было потрачено на бесплодные попытки вытянуть издательство из бездны банкротства.

Общество отвернулось от брошенки. Мне только и оставалось перебиваться редкими заказами на стенографию и писать статьи под мужским псевдонимом. Усадьба наша тоже ушла с молотка — денег, что я зарабатывала, едва хватало на еду и съем крошечной мансарды в доходном доме.

Дуняша оставалась со мной до конца, но и ее унесла неумолимая горячка.

Однако вот она, живая и здоровая.

И неприлично молодая.

Я огляделась, с возрастающим недоумением понимая, что нахожусь в своей девичьей спальне. Не видела ее более сорока лет, но точно помню каждую безделушку.

Вот мое любимое трюмо, на нем баночки с пудрой и маслами. Шкатулка с драгоценностями открыта — видимо, с вечера я снова их перебирала в поисках подходящей заколки. На угол небрежно брошена шаль. Матушкина, моя любимая, заношенная почти до дыр и все еще едва уловимо пахнущая родными до боли духами.

За тонким тюлем занавески занимался рассвет.

— Какой сейчас год? — пробормотала я, чувствуя, что сознание норовит меня покинуть.

Происходило что-то странное. Невероятное. Неслыханное.

Я же не могла вернуться в собственное прошлое? Вот так взять — и проснуться снова молодой и здоровой.

Или могла?

Взгляд сам нашел алтарь Девяти.

Я поклонялась богам до последнего. Неужели они сжалились и исполнили мое предсмертное желание? Позволили действительно прожить заново жизнь, исправить ошибки и изменить ход событий?

— Семь тысяч триста восемьдесят восьмой от Сотворения мира*. — Дуняша смотрела на меня с откровенной тревогой. — Барышня, вы головой не ударялись? Больно странная сегодня.

И правда прошлое. Мой первый бал еще впереди.

Тот самый роковой бал, на котором я встречу будущего мужа. И его.

Медленно, как положено семидесятилетней старухе, я поднялась и подошла к зеркалу. Упала на пуфик и всмотрелась в свое отражение.

Юное, не изборожденное морщинами лицо, ясный взгляд, густые роскошные волосы.

В задумчивости намотала прядку возле уха на палец и от души дернула.

Больно.

Значит, все реально и мне не снится.

— Что там, говоришь, папенька от меня хотел? — переспросила я, все еще разглядывая себя.

— Чтоб с набором помогли. Ну как всегда — опечатки проверить, рисунки поправить. Вы ж у нас рукастая!

Что правда, то правда. Половиной верстки занималась я. Карикатуры, модные зарисовки, портреты — все, что не удавалось сфотографировать. Ну и грамотностью боги не обидели, как и внимательностью. Работники буквы разбирали, но с трудом, и вычитывать пробный лист чаще всего приходилось мне.

— Неси умыться, — приказала я. — И воду не грей.

— Так холодная ж будет — страсть! Вы же не любите...

— Теперь люблю! — отрезала я, пресекая дальнейшие споры.

Привыкла за годы жизни в экономии. Заодно лишний раз докажу себе, что все происходит на самом деле.

Вода в кувшине оказалась вовсе ледяной. Я брызнула несколько раз в лицо, взвизгнула от облегчения — не проснулась! — и быстро почистила зубы.

Переодевание заняло куда больше времени. Забыла, сколько было у меня нарядов, и замерла перед шкафом, не в силах выбрать платье.

«Жаль, штанов дамы еще не носят», — пронеслась в голове бунтарская мысль.

С другой стороны, скоро начнут. Уже года через два княжна Варнавская впервые появится в столичном свете в широких шароварах наподобие османдских — и, о ужас, на велосипеде!

А еще через десять грянет гражданская война, окончательно изменив женский гардероб.

Почему бы не стать первопроходицей? К милым чудачествам девушек в провинции всегда относились с большей снисходительностью. А брюки куда удобнее пышных юбок с подъюбниками. Да и зимой теплее.

Решено.

— Позови госпожу Мартыновскую к обеду.

Тереза — швея от богов, руки просто золотые. И быстро работает, и понятливая. Сразу сообразит, что я хочу, и папеньке доносить не станет.

— Вы же только недавно платьев ворох заказали, — проворчала Дуняша. — Куда вам столько, и так гардероб ломится!

— Тебе отдам, — улыбнулась я.

В отличие от меня, служанка всегда обожала нежные, женственные силуэты. Чем больше рюшей и кружева — тем лучше. Жаль, носить ей такую красоту в жизни пришлось лишь несколько раз, и то недолго.

Авдотья вытаращилась, будто я пообещала ее выпороть, а не наградить.

— Барышня, с вами точно все хорошо? — пролепетала

она растерянно. — Вы, уж простите, будто блаженная сегодня. То год не вспомните, то наряды раздаете.

— Все прекрасно, Дуняш. Я просто решила с сегодняшнего дня начать новую жизнь.

— У вас и старая ничего так. Зачем новую-то? — насупилась служанка.

По моей спине пробежали запоздалые мурашки.

Старая жизнь была самым настоящим кошмаром. Я сделаю все, чтобы новая отличалась в лучшую сторону. И начну с нашей газеты.

«Унгурские ведомости» основал мой дед. Он одним из первых в роду Мещерских получил высшее образование, да еще и не связанное с торговлей. Точнее, сначала-то он окончил коммерческое училище, как положено, а затем взял и рванул в столицу, на исторический факультет.

Бунтарство предка передалось и внучке, то есть мне.

Раньше женщины семьи старались не лезть в «бумажное» дело, ограничиваясь ведением хозяйства. Но у меня и выбора не осталось. Сына боги отцу не дали, матушка скончалась вскоре после моего рождения — мне и трех лет не исполнилось. Папенька был безутешен и поклялся больше никогда не жениться.

Так я стала единственной наследницей. И дела, и нажитого многими поколениями купцов Мещерских состояния.

Неудивительно, что молодой господин Каменецкий принял с первой встречи так старательно за мной ухаживать.

Я-то по молодости и дурости решила, что у него неземная любовь образовалась, а оказалось, что карточные долги... Но это выяснилось уже через несколько лет брака.

Поначалу даже счастливого.

— Надо новую, Дунь. Надо, — твердо заявила я.

И отправилась завтракать.

Папенька уже сидел за столом, одной рукой удерживая чашку с чаем, а другой перебирая готовые статьи, что в данный момент верстались работниками.

— Ну наконец-то. Я думал уж, проспишь, — вместо приветствия буркнул он.

— Простите, папенька. Разоспалась я, и правда, — повинилась, чинно усаживаясь напротив и подтягивая к себе стопку бумаг.

Ну, вот и дата — декабрь. До двадцать первого, когда состоится бал Зимнего солнцестояния, ровно неделя.

Что ж, у меня есть время подготовиться.

Изменить текущий выпуск уже не успеем, но в завтрашний необходимо внести коррективы.

Или же...

Мысль показалась дерзкой и одновременно странно пленительной. И чем дольше я ее крутила, тем притягательнее она становилась.

— Про пожар в Ключевском — не вынести ли на первую полосу? — задумался батюшка вслух.

— Лучше не надо, — машинально поморщилась я. — Ис-

тория странная, там, скорее всего, поджог. Будет расследование, скандал. Еще извиняться придется за обман общества. Выкиньте.

То происшествие запомнилось, потому что послужило своего рода началом конца.

На балу я познакомилась не только с будущим мужем.

Именно там я впервые увидела господина Сташевского. Правда, в тот момент я понятия не имела, кто он и какое влияние окажет на мою судьбу, а также на дело всей нашей с папенькой жизни.

Иначе плюнула бы в наглую смазливую рожу.

Сразу после приезда проклятый столичный хлыщ развел бурную деятельность. Совал нос повсюду, заодно зацепился за случай со сгоревшей дотла избой. После выяснилось, что найденные в подвале трупы к моменту пожара пролежали там уже несколько недель, а сам владелец — якобы жертва — разыскивался властями за грабежи и вымогательство.

В общем, темное и мутное дело, от которого нашей газете следует держаться подальше.

Согласно традиции, заложенной дедом, мы освещали важные для всего уезда события.

Природные явления вроде сильной грозы или обильного снегопада, прогнозы погоды, расписание ближайших праздников и связанные с ними приметы, реклама купеческих лавок, немного светской хроники — с миру по нитке.

Тихие, уютные вести для коротания вечеров в кругу се-

мьи.

Господин Сташевский ворвался в мир печати и перевернул все с ног на голову. В его издании сплетни о высшем обществе перемежались выдумками суеверных крестьян, сверху присыпались зарисовками модных фасонов платьев из столицы и советами по уходу за кожей.

Расхватывали это непотребство как горячие пирожки.

В основном читали такое скучающие дамы, но очень скоро и их мужья прониклись фривольной начинкой новой газетенки и перестали покупать нашу. Ведь сведения о том, кто умер, а кто приехал в уезд, не так интересны обществу, как намеки на связь между женой губернатора и его секретарем.

Вот и вышло так, что тираж наш постепенно перестали выкупать. А там и вовсе пришлось работать себе в убыток, тщетно пытаясь поспеть за выдумывающим все новые скандальные рубрики Сташевским.

На этот раз я собиралась ударить на опережение.

— Папенька, у нас ведь в издательстве все гладко... — начала издалека.

Подула на обжигающе-горячую кашу, размешала подтаявшую ракушку масла в середке и с огромным удовольствием отправила в рот первую ложку.

Все-таки фабричные упаковки молока не идут ни в какое сравнение со свежим, лишь утром надоенным из коровы.

Быт в империи менялся настолько медленно, что я не успела осознать разницу в полной мере. Лишь иногда тоско-

вала по былому, не в силах сформулировать, что именно было лучше. Трава зеленее и деревья — выше?

Только сейчас, вернувшись в юность, заново оценила мелкие, но такие важные детали.

Отец уже позавтракал и потягивал вторую или третью чашку чая, ожидая, пока я закончу. В ответ на мое невнятное бормотание лишь бровь левую приподнял, мол, продолжай, не мнись.

— Как думаете, может, мне начать выпускать небольшой листок для дам? — выпалила я и быстро добавила: — Из собственных средств. Я скопила немного, да и приданое есть...

— Приданое не трожь! — тут же вскинулся папенька. — Его еще твоя матушка собирала. Что у нас, денег нет, что ли? Глупости какие. Только вот станут ли дамы покупать отдельную газету? Им такое вообще интересно?

— Еще как, — мрачно, но с долей удовлетворения процедила я. И злорадно добавила: — Назову ее «Уездный вестник».

И усмехнулась понятной только мне шутке.

Именно так назвал свою газету изгнанный из столицы хлыщ.

Уведу его задумку вместе с названием. Ему все равно недолго осталось, так хоть напакостить напоследок не успеет.

— «Уездный вестник»? Солидно, — поглаживая аккуратную бородку, заметил отец. — Мне кажется, больше для объ-

явлений или деловых вестей. Про налоги, про акции...

— Нет-нет, такое вряд ли будет пользоваться популярностью, — замахала я обеими руками. — Вот в столице еще может быть. У нас же...

Договаривать не стала, и так все понятно. Небольшой тихий уезд, где самый крупный город — наш Унгур, на тридцать тысяч жителей. Тридцать две, в прошлом году пересчитывать приезжали. И по всей губернии еще пятьдесят тысяч, дай боги, наскребется.

Не то чтобы все друг друга знали, но жизнь здесь мирная и, прямо скажем, скучная. В отличие от столицы, где постоянно кипят страсти: то посланник Османдии на балу надерзил княжне, то новый прибор светящийся изобрели и давай ругаться с Саксонией — кто первым опыты поставил...

Здесь же сплетни и слухи станут приятным разнообразием среди обыденности. С высоты прожитых лет я понимаю, почему газетенка господина Сташевского так взлетела.

Он бил в самую уязвимую точку человеческой натуры. Любопытство.

Что там, за высоким забором соседа? Какие ухищрения применила дама Х, чтобы выглядеть на двадцать лет моложе? Какой туалетной водой побрызгаться, чтобы все кавалеры попадали к твоим ногам?

Я предложила бы не мыться недельку-другую, но у каждого свои методы.

— Ну что ж, раз ты уже все решила и продумала, поче-

му бы и нет? — хмыкнул папенька, залпом допивая чай и поднимаясь. — Только не соблаговолите ли, уважаемая деловая барышня, сначала помочь своему престарелому отцу с версткой?

— Конечно, я от вас никуда не денусь, — радостно заулыбалась я. — Ни сейчас, ни потом.

И уж точно прослежу, чтобы дело, основанное моим дедом, не пошло бесславно ко дну, как в прошлый раз. То, что я затеваю, не только не помешает «Унгурским ведомостям», а наоборот — может поднять их популярность.

Идей у меня хоть отбавляй, хватит на два издания и еще останется!

Типография располагалась в соседнем доме, до которого нужно было пробежать по свежему хрустящему снегу.

Что я с превеликим удовольствием и сделала.

Внутри уже негромко сбивчиво перестукивались литеры, шуршали буквами наборщики и переругивались операторы печатного станка. Что-то у них опять заклинило.

Надо бы заказать новый. А лучше не один, сразу в расчете на дополнительные мощности. Благо свободных денег у нас сейчас достаточно.

Сделав мысленную пометку, я с головой окунулась в привычную, пусть и полузабытую утреннюю рутину. Проверить каждую строчку, примостить картинки, добавить заголовки,

оценить первую пробную страницу... и дальше слушать, как ритмичные удары пресса штампуют все новые экземпляры сегодняшней газеты.

Глаза заслезились.

Как давно я не следила за процессом вот так, по-хозяйски?

Писать статьи продолжала до конца, но сдать их редактору и прочитать поутру в свежем номере — совсем не то, что наблюдать за рождением каждого экземпляра. Нет ощущения причастности к чуду.

Солнце успело подняться и рассияться вовсю, когда последняя стопка листков покинула типографию. Четыре телеги повезли тираж по окраинам губернии, а десять мальчишек разнесли оставшееся по адресам подписчиков в пределах города. Платили мы детям сущие копейки, за что меня сейчас грызла совесть.

Конечно, на фоне нищеты и это — деньги, но чем меньше даем мы, тем проще будет у нас перекупить распространителей.

Еще один подлый ход со стороны господина Сташевского, который я постараюсь предотвратить.

— Папенька, как вы смотрите на то, чтобы прибавить зарплату работникам? — предложила я по пути домой.

— Вижу, тебе деньги девать некуда, — буркнул отец в ответ. — То тебе новую газету открыть, то зарплату прибавить. Эдак мы разоримся!

— Не переживайте, я все рассчитаю. — Я взяла отца под руку, с трудом протиснувшись в плотные складки дубленки, и прижалась к родному плечу. — Лишнего не отдадим. Но людей нужно держать не страхом, а любовью. И рублем.

— Надо же, сколько в тебе жизненной мудрости! — воскликнул папенька. — Откуда только взялось что?

— Вся в вас! — заверила я.

А дома меня уже ждали новые расходы. То есть модистка.

*7388 от СМ = 1880 от РХ

Глава 2

Госпожа Мартыновская прибыла недавно и совершенно не страдала от долгого ожидания. С удовольствием попивала чай с медом, вареньем и свежими пирожками, на которые наша кухарка была особая мастерица.

Заметив меня, она поднялась из кресла всем своим пышным телом и обрушилась на меня неудержимыми складками.

— Милая моя Софья, что вы еще надумали? — воскликнула Тереза с предвкушением.

Папенька на мои причуды не скупился, и наряды мои сменялись почти с той же скоростью, что и у столичных барышень. Другой вопрос, что предпочтения провинциальной девицы отличаются от принятых в высшем обществе. Попади я в своих лучших платьях на бал где-нибудь в Московии — засмеяли бы.

Но в прежней жизни по молодости и неопытности я этого не понимала.

— Я надумала эпатаж! — торжественно провозгласила, выворачиваясь из жарких объятий. — Дунька, неси мое новое персиковое платье! И отрез того тюля, что батюшке в прошлом году подарили.

— Да его даже на одно окно не хватит! Зачем он вам? — поморщилась Авдотья.

Все подарки, которые невозможно было пустить сразу в

ход, она воспринимала как личную обиду. И купца, что преподнес бабушке бесполезные остатки ткани, тоже невзлюбила.

А зря.

Материалы у него были роскошные, просто мы со служанкой их оценить не сумели в силу общей ограниченности. Зато теперь я прекрасно знала, куда определить каждую ленточку.

Мы с Терезой допили чай, я перекусила парой булочек с яблочным повидлом. Помощницы швеи натянули платье на деревянный манекен с моими размерами, расправили складки и отступили, позволяя нам оценить творение.

— Значит, все объемы убираем, оставляем гладкую ровную юбку. На шаг шириной, не более, — деловито принялась объяснять я. — Поверх — футляр из тюля, в один слой. И перчатки выше локтя, без подкладки. Наверное, пальцы придется доплести. Успеете за неделю?

Тереза не без труда поднялась снова, обошла вокруг изделия, оценивая фронт работ. Покивала своим мыслям и повернулась ко мне.

— Занавески на моей памяти в ход еще никто не пускал, — хмыкнула она. — Должно получиться красиво, но необычно. Вы уверены, барышня, что готовы к пересудам? Кумушки ведь ваше появление на балу так не оставят. Это же для Последней ночи года наряд, верно?

— Да. Ничего, через пару лет все так одеваться начнут,

— фыркнула я.

В столице мода на простые силуэты, украшенные лишь вышивкой и кружевом, началась еще с лета. Но к нам в Унгур она докатится лишь через год-другой — перерисованными из журналов фасонами, полученными по почте от подружек выкройками.

В прошлой жизни первой в столь эпатажном виде на балу появилась вдовушка Пташинская, у которой поселился заезжий хлыщ. Не просто снял комнату, а еще и осыпал подарками, в том числе крайне модными украшениями и платьями, заказанными по лекалам из самой Московии.

Дама она фигуристая, темнобровая и волоокая, мужа схоронила давно и в приезжего красавца вцепилась намертво. Наверное, на выгодный брак рассчитывала. Но увы — не дождалась. Десять лет господин Сташевский морочил ей голову, после чего помер.

Познакомились они на том же пресловутом балу Последнего дня года.

Нас с госпожой Пташинской подругами не назвать, но и зла я ей не желала. Потому сделаю все, чтобы ей не пришлось тратить лучшие годы зря.

Не следует им встречаться.

Правда, как этого избежать, я еще не придумала. Но для начала будет неплохо перевести внимание господина Сташевского на себя. Все безопаснее. Я-то знаю, на что способен этот негодяй, и не растекусь патокой.

Помощницы Мартыновской аккуратно упаковали платье и тюль. Работы им предстояло не очень много — основа-то прежняя, на нее сверху слой посадить недолго. Но делать это они все равно будут в мастерской, а не в моей гостиной.

Проводив гостей, я снова потянулась за шубкой.

— Пойдем, прогуляемся, — кивнула Дуняше.

У меня сегодня еще куча дел запланирована. Поесть и позже можно. Тем более батюшка наверняка в кабинете заперся и не станет проверять, кушала ли дочурка.

Солнце ярко сияло на безоблачном небе, мороз сразу предупреждающе куснул за щеки, стоило переступить порог. Я плотнее закуталась в шерстяную шаль и решительно захрустела по насту в сторону реки.

Там, на набережной, за старой рыночной площадью, располагалась заброшенная типография. Ее прежнего владельца, справедливости ради, разорила не моя семья — он и сам справился. Писал то, чего не следовало, получил несколько предупреждений, а после газету и вовсе прикрыли — во избежание.

Здание уже четверть века стояло опечатанным, и о нем ходила дурная слава. Покупателей на пустое до гулкости помещение не нашлось. Дороговато для окраины города, жить в таком невозможно и под фабрику не переделать: места внутри мало. Вот и стояло нетронутым, ожидая, пока приедет из столицы господин Сташевский.

Но не дождется.

Управляющий, назначенный группой кредиторов после банкротства и ссылки владельца, уже притоптывал в нетерпении под дверь. Получив с утра уведомление о приходе покупателя, господин Овчинский несказанно оживился. Ему изрядно надоело печься о безопасности типографии, и он не чаял избавиться от обузы.

При виде меня его энтузиазм подувал.

«Зачем явилась эта барышня?» — ясно читалось на обрюзгшем от излишеств лице.

Я радостно заулыбалась, демонстрируя благодать.

— Здравствуйте, уважаемый господин Овчинский! Меня папенька послал, — начала с кодовой фразы.

Бодрость разом вернулась в ослепительный взгляд управляющего.

Папенька — это уже серьезный разговор.

— Чего изволит господин Мещерский? — поинтересовался он учтиво, звеня связкой ключей. — Неужели расширяться надумал?

— Да, маловато места у нас, — хлопая глазами, пропела я, старательно изображая наивную дурочку.

Пожалуй, до развода такой и была. Иначе не повелась бы на красивые ухаживания и прочувствованные речи Каменецкого. Вспоминая время перед свадьбой, я все эти годы находила все новые и новые тревожные звоночки, которые опытная замужняя дама заметила бы влет. Но увы — матушки у меня не было, родственниц близких тоже, а папенька к на-

мекам был так же глух и слеп, как большинство мужчин.

Чего стоило, например, близкое знакомство с владельцами игорных домов и ипподрома? А увивавшиеся вокруг моего жениха актрисы, многочисленные приятели и какой-то откровенный сброд? Сам он объяснял такую популярность своей щедростью, но меня никогда не занимал вопрос, откуда у него вообще берутся деньги. А зря.

Своего дела у Анджея не было, земель тоже. Незадолго до брака со мной ему посчастливилось унаследовать небольшую, но приятную сумму от престарелого дядюшки, и он в кои-то веки не просадил ее сразу, а пустил в ход с умом.

Потратил на ухаживание за той, кто обеспечит его до самой старости.

Ну, он так думал.

Но не прошло и пяти лет, как наша с батюшкой газета разорилась. И мы вместе с ней.

Ох, как муж злился... Пытался даже руку на меня поднять, да не вышло. Я с детства себя в обиду не давала, да и сильна не по-женски. Все эти наборные планки и литеры весят будь здоров, таскать их ежедневно — не каждый спортсмен так тренируется.

В тот момент мне было не до разборок с супругом. Папенька от переживаний слег, я разрывалась между переговорами с банком и кредиторами и больничной койкой.

А затем отца не стало.

И на меня разом обрушилась взрослая жизнь. Когда не

за кого спрятаться, не на кого положиться, прийти посреди ночи поплакать — и то не к кому. Про мужа я уже все поняла и на его помощь не рассчитывала.

Однако оказалась не готова к тому, что Анджей не просто разведется, а еще и обвинит меня в развале брачного союза. Мол, недостаточно внимания ему уделяла и наследника не родила.

Лишь много позже, две жены и десяток любовниц спустя Каменецкий выяснит, что бесплоден как раз он. Но мне, опозоренной и униженной, это никак не поможет. Да и не стал бы он публично признаваться в таком. Слухи поползли по городу сами. Его третья супруга категорически не умела держать язык за зубами.

— Ну пойдемте, покажу вам домишко, — заявил тем временем управляющий, вырывая меня из череды неприятных воспоминаний. — Здание добротное, прочное, отлично тепло держит, зимой не выстывает.

Будто вопреки восхвалению, замок на двери промерз и заклинил. Пришлось ждать, пока господин Овчинский, вполголоса выражаясь, сначала воевал с упрямой железкой, а затем плюнул и повел нас через черный ход.

Там все открылось быстро и без проблем.

— Печатные станки в рабочем состоянии. Правда, их давно не проверяли, но после суда все оставили, как было.

— Ну да, ну да, — кивала я, про себя отмечая, что рухлядь придется снести на помойку.

Недаром господин Сташевский первым делом заказал новую технику аж из самой столицы. Не от хорошей жизни, хотя средства ему и не такую роскошь позволяли. А потому что оставшиеся от прежнего хозяина прессы проще было выкинуть, чем отремонтировать.

— Здесь редакторская. — Господин Овчинский приоткрыл дверь и тут же ее стыдливо закрыл обратно. Внутри толстым слоем лежала пыль, а по полу пробежал кто-то испуганный. То ли мышь, то ли крупный паук — я не разглядела. — В подвале есть место для хранения архива и инвентаря. Поднимемся на второй этаж?

— Обязательно, — заверила я, первой ступая на узкие ступеньки винтовой лестницы.

Наверху пространства было куда меньше. Почти всю высоту здания поглотил печатный цех, и на помещение для персонала осталась лишь небольшая каморка под крышей. Почти как та, где я жила в последние годы.

— Окна открываются? — уточнила, оглядываясь.

— Конечно, только сейчас они проклеены, — проблеял Овчинский.

Я не обратила внимания на уточнение, ощупала раму, подергала за ручку. И правда, если бы не бумага, легко можно распахнуть, несмотря на слой снега на крыше пристройки.

Почему же тогда ему не удалось спастись?

Именно здесь погиб во время внезапного пожара господин Сташевский.

Что он забыл посреди ночи в кабинете над типографией — неизвестно, но тело его опознали совершенно уверенно.

Он не сильно и обгорел — задохнулся в дыму. Его собственная газета довольно долго смаковала подробности происшествия, перед тем как перейти в руки безутешной госпожи Пташинской.

Впрочем, ненадолго. Деловой хватки у вдовушки не было ни на грош, как и понимания, что такое издательство. «Уездный вестник» прогорел за полгода. На смену ему пришла желтая газетенка из соседней губернии, которую доставляли раз в месяц.

Мне к тому моменту было все равно: денег на выкуп типографии не осталось. Я едва сводила концы с концами. А иных предпринимателей, желающих подхватить печатное дело в Унгуре, не нашлось.

Через год и вовсе началась гражданская война.

Неожиданно, бурно и как-то слишком продуманно.

Недовольство властями бытовало всегда, это часть народного менталитета — валить все проблемы на аристократию. Кто наверху, тот и виноват, что-то вроде.

Но чтобы вот так, с восстаниями, кровопролитными стычками и взрывами...

Бунтовщики требовали отречения правящего царя, Владислава Третьего, в пользу его единственного сына. Тот, конечно же, на провокации не поддался, наследника сослал подальше, от греха, и все военные силы бросил на подавление

мятежа.

Волнения продлились более пяти лет. С переменным успехом то вспыхивали новые очаги, то утихали, чтобы возродиться в другом городе.

Подозревали иностранных шпионов, что сеют раздор в нашем мирном государстве, и оппозицию, и купечество... Даже казнили с десятков человек по наветам.

А после выяснилось, что воду мутит двоюродный дядюшка правителя. Мало ему было сосватать дочь за наследника, он решил ускорить процесс, опасаясь не дожить до свадьбы. Вдруг княжич передумал бы и выбрал кого другого в супруги. Вероятность, пусть небольшая, но оставалась.

А Рафалу Велигорскому очень уж хотелось власти. Причем прямо сейчас, а не лет через двадцать, когда царь окончательно впадет в немочь и уступит престол добровольно.

В ходе следствия обнаружили множество занимательных грехов на совести предателя. В том числе взятки, подлоги и вымогательства. И сотрудничество с иностранными подданными тоже — родственник царя не стеснялся получать щедрые подношения «в счет будущих добрых отношений».

Подлеца торжественно казнили, помолвку расторгли, и в стране вновь воцарился мир.

Мы с Дуняшей как раз в разгар смуты переехали в столицу. Там меня никто не знал, и печать «разведенки» не ставила крест на моей репутации. Да и не до того было владельцам газет, поглощенным погонями за сенсациями. Какая разни-

ца, кто приносит очередной пасквиль на светских дам, если подпись все равно стоит нейтральная — С. М.

Известным журналистом я так и не стала, но свой кусок хлеба, изредка даже с маслом, имела. Ну и комнатку под крышей, которую сначала делила с верной служанкой, а после старательно прибирала в одиночестве.

Я мотнула головой, чувствуя, что в тесной мансарде мне не хватает воздуха.

— Пожалуй, насмотрелась, — пробормотала, потирая виски. — Давайте обсудим детали на улице.

— Какие еще детали? Берете или нет? — вновь набрался спеси управляющий.

Я хмуро глянула на него и принялась спускаться по винтовой лестнице обратно, приговаривая на каждой ступеньке:

— Станки никуда не годятся, их только выкинуть. Ремонт дороже выйдет. Стекла в трех окнах заменить, треснули. Хотя рамы рассохлись, так что, считай, все окна править придется. Пол перекрыть, стены побелить, трубы прочистить. Подвал мы еще не смотрели, но я представляю, что там!

— Чистота и порядок! — возмутился господин Овчинский, но вяло, без огонька.

Понимал, что я кругом права.

В архив, ныне пустой подпол, мы все же заглянули для галочки. Чтобы у управляющего после не хватило наглости прописать про чистоту.

Конечно же, чистотой там и не пахло. Влажность, сырость,

по углам мох и плесень, которые еще поди выведи. Смерть для бумаги!

— Уборка и сушка за счет владельцев! — отчеканила я, выбираясь на свежий воздух и глубоко вдыхая морозную прохладу. Легкие жгло, глаза слезились. Но списывать все на затхлость я не спешила. Моих собственных переживаний и воспоминаний с лихвой хватало. — Если хоть одна плесневелая дощечка уцелеет — сделка отменяется. Сроку вам два дня.

Господин Сташевский еще не приехал. И не побегит он вот так сразу искать помещение под типографию. Мне хватит времени подписать купчую.

Управляющий краснел, бледнел, хватал ртом воздух, как рыба, и прочими способами выражал свое возмущение. Но других желающих приобрести огромное помещение на отшибе по откровенно завышенной цене рядом не имелось.

И он сдался.

— Хорошо, барышня Мещерская, ровно через два дня подготовим документы. — Он шаркнул ногой, взметнув грязноватый снег, и принялся возиться с замком.

Я подхватила под руку Дуняшу и потащила ее в центр города. Давненько не гуляла просто так, не бывала в чайных и кондитерских.

— Кофейню на площади еще не открыли? — уточнила я у служанки, ловя на раскрытую ладонь одинокую снежинку. То и дело с неба срывались пушистые разлапистые белые

звездочки и плавно ложились на непрочный наст.

— Какую еще кофейню, барышня? У нас же не столица,
— удивилась Авдотья.

— Скоро откроют, — хмыкнула я, крепко подозревая, что и в столь незначительном деле без господина Сташевского не обошлось.

Очень уж он кофий любил и тут же стал в заведении за-
всегдатаем.

Вполне возможно, и поспособствовал.

Однако открывать забегаловку в угоду приезжему хлыщу я не собиралась. Ему надо — пусть займется. Может, лучше дело пойдет, чем с типографией. В идеале так, чтобы у нас с господином Сташевским вовсе не осталось точек соприкосновения. Пусть посвятит себя выпечке и обжарке зерен, мы же с папенькой позаботимся о новостном просвещении губернии.

Глава 3

Темнело рано. Мы с Дуняшей поспешили добраться до центральной улицы, пока солнце не зашло окончательно. Здесь уже горели редкие фонари, и прохожих было довольно много — лавки не закрывались допоздна, спеша заработать побольше до конца года. Горожане покупали подарки близким, грелись теплым взваром и чаем и просто гуляли, пока погода позволяла.

Храм на площади сиял ярко и уверенно, пылая среди серовато-бурых зданий, словно свеча во тьме. Светлый, почти белый камень с золотистыми прожилками отражал свет ламп, приумножая его.

Сердце заколотилось от невнятного предчувствия.

— Дуняш, давай зайдем, — пробормотала я непослушными губами и двинулась к ступенькам, не слыша ответа.

Волей ли богов меня перенесло в прошлое и если да — то за какие благодеяния? За свою жизнь я не успела совершить ничего толкового, достойного упоминаний в хрониках. Скорее, наоборот — прожила ее так, что хотелось забиться в угол и скулить от унижения.

Бестолково, бесполезно, уныло.

Внутри было неожиданно тепло. Я привыкла к неотапливаемым, полузаброшенным храмам будущего и сейчас в недоумении стащила шарф и варежки, оглядываясь по сто-

ронам.

Пахло травами, медом и свежей выпечкой. Мокошь и Лада особенно ценили сладкие подношения, потому на алтаре перед их витражами всегда лежала сдоба. Остальные боги тоже не брезговали булочками, и дух в храме стоял упительный.

Я почти позабыла, как это бывает.

На домашний алтарь сыпала, что дома найду, и оно редко было только из печи. А на службе не была уже лет десять. Не могла заставить себя смотреть на то, как гибнет вера в высшие силы.

Прогресс неумолим. С каждым открытием человек все дальше уходил от поклонения природным сущностям к поклонению самому себе. И деньгам, что позволяли наслаждаться этой жизнью, не думая о загробной.

Перезвон мелких монеток, свисающих на нитях с потолка, стал громче, словно под куполом зала пронесся ветерок.

По всему телу пробежали мурашки.

Служба еще не началась, и храм был почти пуст, не считая послушников, что степенно переходили от алтаря к алтарю, поправляя палочки благовоний в песке и убирая прогоревшие. Даров они не касались — те будут лежать примерно неделю. По преданиям, если боги благосклонны, подношение должно исчезнуть само. Но на деле такого не случалось никогда, только в сказках. Протухшее и засохшее убирали по ночам, чтобы не смущать прихожан.

Я сжала руки. Хрустнула бумага. Только сейчас вспомнила, что мы с Авдотьей зашли в кондитерскую, набрали пряников. Меня в лавках было не удержать. Пользуясь тем, что материальное благополучие вернулось, я готова была скупить весь товар. Останавливало лишь осознание, что пропадет. Не съедим.

Но пряники — они долго лежат. Можно и развернуться.

Каждому богу по отдельности поклоняться — процесс долгий и вдумчивый. Не на бегу это делается и не в зимней одежде. Зайду еще раз, подготовившись. Но и уходить, не оставив ничего, неудобно.

Вытащив из кулька пряник, я положила его на середину общего алтаря Девяти. Он стоял в самом центре храма, под небольшим окошком в маковке купола. В хорошую погоду летом в день солнцестояния лучи попадали строго на диск, создавая потрясающей красоты световые рисунки на стенах. Казалось, сами боги спускаются на землю, чтобы благословить верующих.

Сейчас ночь и свету взяться неоткуда.

Но по блюду для подношений пробежал упрямый блик. Он несся по кругу, от одного символа к другому, пока не превратился в яркую ослепляющую спираль.

За моей спиной послышался судорожный многоголосый вздох. Явление заметила не только я — послушники стояли как зачарованные.

Вспышка — и зал потемнел.

Как и блюдо.

На котором больше ничего не было.

— А куда делся пряник? — тупо спросила я в пустоту. —

Так не бывает же.

Мне никто не ответил. Жрецов поблизости не оказалось, а мальчишки-служки попадали на колени в благоговейном экстазе.

Надеюсь, их рассказы никто слушать не станет. Не хватало мне еще снискать славу блаженной или отмеченной богами. Неизвестно, что хуже.

А еще могут подумать, что я фокусница из бродячей труппы или нахваталась у них трюков. Тогда вообще затравят.

Помнится, как раз в этом году выступление цирка будет особенно скандальным.

Ухватив Дуняшу за рукав, я вытащила ее из храма на свежий воздух. Служанка, к счастью, стояла спиной ко мне и светового шоу не видела. Говорить я ей ничего не стала — не поверит.

Или поверит и убоится.

Не надо мне этого.

До дома мы добрались лишь к ужину. По пути успели завернуть в пару лавок, приобрести несколько рулонов отменной шерстяной костюмной ткани нежной расцветки — можно было бы обобрать папеньку, но его стиль излишне строг. Мне же хотелось чего-то более женственного, пусть и для брюк.

Отец уже сидел за столом, по обыкновению обложившись заметками.

«Унгурские ведомости» выходили дважды в неделю. Следующий тираж будет печататься перед балом, и в него нужно впихнуть не только новости, но и кучу объявлений. Например, открывающийся через два дня балаган уже прислал расписание и краткую программу. Яркий плакат выделялся среди однотипных черно-белых текстов, прямо-таки прыгая в глаза.

Наверное, моя судьба — вмешаться и в эту авантюру.

Я рухнула на стул, подтянув афишу поближе.

Дрожь после посещения храма униматься не желала. Не помогли ни забег по лавкам, ни прогулка на свежем воздухе. Упоительный аромат щей и куриных котлеток тоже не справлялся. Аппетита не было, но есть я все равно начала. Через силу.

От знакомого до боли вкуса на глаза навернулись слезы.

— Что-то случилось? Ты где была так долго? Отказали? — встревожился отец.

Он знал, что я ходила договариваться о покупке помещения под новую газету. Сам мальчишку послал, предупредить о визите. К моему удивлению, папенька воспринял мое начинание совершенно спокойно, будто только и ждал, когда я это предложу.

Настолько в меня верил?

Или сам заметил, что сухие сводки и объявления не поль-

зуются популярностью? Просто не знал, как это исправить.

Мы ведь пытались. Тогда, после приезда господина Сташевского, мы и рубрику фельетонов открывали, и стихи печатали, и сплетни собирали. Но невероятным образом столичный хлыщ оказывался в курсе горячих скандалов раньше.

Лишь много позже я узнала, что ему помогали те самые мальчишки-разносчики. Доплата в пять копеек — и целая армия преданных, проворных и незаметных ребят в его распоряжении.

Именно потому я решила поднять оплату детям. Многие — единственные добытчики в семье. И любая мелочь для них бесценна.

Пожалуй, предложу папеньке еще горячий перекус для работников делать. Для всех, не только служащих типографии. Помнится, в годы войны на наспех организованных сходках и митингах этого и требовали, помимо прочего.

А еще нормированный рабочий день, и не двенадцать часов, больничные и защиту от увольнения.

Всего этого я им прямо сейчас дать не могу, но обязательно учту в договоре.

После разоблачения заговора царь смягчился и выполнил очень многие требования, исходившие от народа. В том числе те, что касались условий труда. Но в данный момент любая попытка изменить устоявшийся порядок может быть расценена как мятеж.

Мне только этого не хватало.

Я собираюсь исправить ошибки, а не наделать новых, чреватых казнью всей семьи.

— Все хорошо, — заверила я отца, наливая себе один половник за другим густых наваристых щей и сдабривая их сметаной. В горле по-прежнему стоял ком, но в животе настойчиво урчало, напоминая, что в нем с завтрака толком ничего не побывало, кроме сиротливого пряника. — Через два дня купчую подпишем. Я станки закажу из Рижеского уезда, говорят, там неплохие делают.

— Из Московии лучше. Но ты права, там куда дороже, — кивнул папенька.

А еще не такие надежные и быстрее ломаются, пусть и выглядят презентабельнее. Правда, выяснится это не сейчас, а лет через пять. Оба завода открыли примерно в одно время, но столичный быстро оброс заказами и начал халтурить, а провинциальный держался за каждого клиента, как за родного, и старался вовсю.

Раньше станки и вовсе везли из-за рубежа, дед лично ездил заказывал и собирал собственноручно. Хорошо, что наши тоже освоили технологию.

— На представление думаешь сходить? — кивнул отец на афишу, которую я продолжала украдкой разглядывать. — Там медведи будут и собаки. Ты же не любишь, когда животных мучают.

— Не люблю. Но вот фокусы с удовольствием посмотрю,

— задумчиво протянула я.

— Подружек позови. Давно вы не гуляли. Мало ли, женихов присмотрите!

Папенька иногда пытался изображать маменьку и намекал на мое долгое сидение в девках. Получалось у него это не слишком убедительно, однако влияние должное оказало. Стоило Каменецкому начать ухаживания, и я всерьез задумалась о свадьбе.

Не столько для себя, хотя Анджей был пригож, статен и красноречив, сколько чтобы папенька, наконец, успокоился и перестал тревожиться за мое будущее.

Подруг у меня было не так много. А как обнаружится через несколько лет — не было вовсе. Но сейчас мы тесно общаемся с двумя купеческими семьями, что, в отличие от Мещерских, не бросили привычное занятие и продолжали торговать: Кручинские посудой, а Яровские — мехами. Дочери этих родов примерно моего возраста и тоже пока не обрели семейного счастья, потому на прогулки мы чаще всего бегали вместе, как и на разные мероприятия.

Негоже девице одной появляться в театре или в цирке. Неприлично. Даже если со служанкой — все равно сомнительно. Вот если в компании две барышни или более, тогда еще ничего.

Вынужденная взаимовыгодная дружба. Как-то так.

Мы выскочили замуж друг за другом, в течение одного года.

И все трое — неудачно.

Мой оказался игроком, у Люды Яровской — бабником, из чужих постелей не вылезал, а Тришу Кручинскую муженек и вовсе бил смертным боем за малейшую провинность.

При этом поддержки от родных ни одна из нас не получила.

Я — понятно почему, папенька слег как раз в то время, как выяснилась неприглядная правда о Каменецком. Мне было не до переживаний о долгах благоверного: я пыталась одновременно и сохранить издательство, и вылечить отца.

Людвике матушка прямо сказала: «Бабий удел такой, терпи и молчи. Зато деньги в семью несет, не то что вон у Мещерской».

Трише же посоветовали не раздражать супруга. Сама, мол, виновата, попалась под руку, когда тот не в настроении.

Она и старалась. Да так, что почти из дому выходить перестала, да и с нами общаться — тоже.

И когда я обратилась за помощью, ни одна подруга не отозвалась. Просто знакомые, соседи — и те отворачивались, завидев меня, и переходили на другую сторону улицы, будто я проклята. А я всего-то развод попросила, не выдержав постоянной борьбы с кредиторами.

Уже много позже выяснилось, что Каменецкий за моей спиной пустил нехорошие слухи. Мало того, что сам по себе разрушенный брак — крест на репутации любой женщины, он меня еще и прелюбодейкой выставил. Нет чтоб со-

знаться публично в своих грехах! Как же! Он остался безгрешной жертвой, зато я стала роковой соблазнительницей.

Правда, на кого именно я позарилась, находясь в брачных узах, никто так и не узнал. Даже я сама.

В общем, осадочек в душе у меня остался до сих пор. Но отказаться идти в цирк с подружками означало остаться дома. Одну меня туда никто не отпустит.

Потому пришлось писать пригласительные. Благо афиши уже расклеены по городу, у нас — специальный экземпляр для печати. Папенька еще и денег за рекламное объявление получил.

Надо было бы, наверное, отказаться и вернуть задаток, учитывая грядущий скандал. Но я решила поступить по-другому.

Лучше его предотвратить.

Грустно, если праздник окажется испорчен гнусным преступлением.

Записки отправились по адресам подруг с донельзя счастливыми мальчишками-посыльными. Те за каждое послание получили по целых две копейки и радовались неожиданной прибыли.

— Балуешь ты их, — проворчал папенька, прихлебывая чай. На блюдечке рядом маслянисто поблескивали изъятые из банки с вареньем ломтики айвы — любимый его десерт. — Эдак вообще без оплаты работать перестанут.

— А какой им резон работать без оплаты? — крамольно

высказалась я. Отец аж поперхнулся. — Вы сами подумайте. Их сейчас любой конкурент переманить может. Посулит на пять копеек больше, и только мы их и видели.

— Так нет у нас конкурентов-то! — не слишком уверенно возразил папенька. — Луговецкий одни объявления печатает, ему нам мешать резона нет.

— Это пока что нет, — мрачно заметила я, подтягивая ближе тарелочку с цукатами. Приятная сладковатая кислинка разлилась по языку, стирая привкус мяса и специй. — А если появятся, первым делом перекупят разносчиков. И плакала наша газета.

— Какая-то ты сегодня излишне унылая. Обидел кто? — нахмурился отец. — С чего решила, что наше детище так легко потопить?

— Не легко. Лет пять займет, — согласилась я. — Но возможно, к сожалению. И лучше заранее продумать стратегию отпора вероятным соперникам.

— Ты поэтому листок для дам задумала открывать? — озарило папеньку. — Разнообразить чтиво, но под другим названием, чтобы никто больше не подсутился? Лихо. А что, слухи какие-то бродят? Кто-то собирается новую газету открывать?

— Нет пока, — усмехнулась я. — Просто недавно узнала, что в столице такие вот издания для скучающих супругов чиновников и бездельничающих барышень очень популярны. У нас же по светлицам никак не меньше девиц сидит! Как

раз и займутся. Им радость, нам — прибыль.

— Откуда только ты все это вызнаешь... — покачал головой отец.

Осуждения в его голосе не было, скорее восхищение. Как истинный охотник за сенсациями, он уважал подобные качества в других.

Дед не зря в свое время перебрался из купечества в литераторы. Все-таки любовь к печатному слову — и сопутствующий азарт! — у нас в крови.

Куда там карточным играм! Тут пока тираж напечатаешь, такой прилив энтузиазма словишь, что потом сутки пластом лежишь.

Глава 4

Ответы на записочки пришли ближе к ночи.

Барышням настолько не терпелось приобщиться к развлечениям, что они не стали дожидаться приличного времени. Разумеется, и Триша, и Люда согласились ко мне присоединиться. Уже видели развешанные по городу афиши и ухватились за возможность сэкономить.

Нам ведь как рекламодателям бесплатно билеты полагались. Целых пять. Выдавали, видимо, в расчете на семью с детьми, но мы-то с папенькой одни, да и я уже давно взрослая. Отказываться, конечно, не стали. Мало ли? Еще разок сходим, цирк-то на месяц почти приехал.

Им резону нет быстро сворачиваться. Праздники только начинаются, за балом Последней ночи года пойдут еще приемы разной степени значимости. А там, глядишь, представление наскучит — и артисты двинутся дальше по бескрайней стране, оттачивая мастерство и готовя трюки для следующего года.

Дуняша переплетала мне на ночь косы, приплясывая и что-то напевая. Служанкам знатных дам позволялось стоять у стеночки, их ожидаючи, а заодно смотреть представление на халяву. Без удобств в виде кресла и подушечки, и два часа на ногах, но зато какое зрелище!

Еще, конечно, простой люд заслонять все будет. За двумя

рядами стульев стоят лавки, и сидящие на них редко придерживаются правил приличия. Вскрикивают, машут руками и бурно реагируют на происходящее на сцене.

Но, в любом случае, все веселее, чем дома сидеть.

— Чем завтра заняться изволите? Какое платье подготовить? — уточнила верная помощница, помогая мне переодеться в ночную рубашку.

— По магазинам пойдем, нужно новую мебель заказать в типографию, старая непригодна, ты сама видела, — принялась я загибать пальцы для наглядности. — Бригаду, что нам давеча кабинет обновляла, навестим. Пусть несущие крепления проверят и вообще здание. Не верю я господину Овчинскому, хоть убей.

Заодно на предмет противопожарной безопасности попрошу покумекать. Мешки с песком, бочки с водой, еще что-то придумать. Не хочу угореть, как Сташевский в свое время. Есть подозрение, что не сам он там надышался, а помогли ему.

Вопроса, кому мог помешать столичный хлыщ, у меня не возникало. Список длинный, возглавляемый мною. Но в этом случае не я — точно.

Вдруг еще кто-то позарился на типографское дело? Или на здание? Говорят, после того как мы с Дуняшей в столицу уехали, весь квартал близлежащий снесли и выстроили огромные крытые торговые ряды. Кто тем занимался — не знаю, не интересовалась. Вообще очень многое пропускала

мимо ушей, как меня не касающееся и не относящееся к сенсационным новостям.

Знала бы, что получу второй шанс, конспектировала бы и зубрила каждую мелкую деталь. А теперь придется полагаться на обрывки, сохранившиеся в памяти.

Впрочем, грядущий скандал, связанный с цирком, я помню преотлично. Ведь замешанного в нем фокусника Завьяловского позже увязали — ни много ни мало! — с самим царевым дядюшкой, Рафалом Велигорским. Не лично, через секретаря.

Оказалось, паренек учился в свое время у артиста цирка Завьяловского ловкости рук и прочим мелочам. Рос сиротой, вот и сбился с дорожки. После-то юнца подобрал его светлость, позволил дорасти от мальчишки на побегушках до личного ассистента князя. А навыки никуда не делись. Судя по мастерству, с которым юное дарование подделывало векселя по приказу князя, — еще и превзошло учителя.

Сам же господин Завьяловский попадетсЯ с поличным в момент вымогательства у самого губернатора по поддельной долговой расписке. Схема та же, которую проворачивал князь, только масштабом помельче.

Как наш управитель, господин Скрыбинский, определил подвох, не ведаю. Но притащил мошенника в тюрьму за шкурку, сдал в околоток и требовал возмещения ущерба. К нему еще несколько зажиточных горожан присоединилось.

Однако до суда дело так и не дошло.

Фокусник скончался в камере при подозрительных обстоятельствах.

Поговаривали, что заткнул его кто-то. Но кто — предпочитали не уточнять. Сами не знали, а если и додумались до чего, то опасались произнести такое вслух.

За наговор на члена царской семьи казнят и не помедлят. Лезть в придворные интриги я не собиралась. Как и позволить гаденышу избежать правосудия. В тюрьму господину Завьяловскому нельзя, это понятно. Но и беззакония не допущу. А значит, следовало его припугнуть на первой же жертве.

Только вот кто ею стал? Не помню.

Ждать, пока шантажист доберется до губернатора, не получится. До господина Скрябинского еще человек десять невинных пострадало.

Придется рискнуть и проследить за господином Завьяловским. Насколько мне известно, первый объект он выберет в день открытия цирка. Вот и посмотрю, на кого он нацелится.

Спала я ночью плохо.

Сначала в темноте мерещилось всякое.

Попросила Дуняшу запалить свечу. Лучше не стало — тусклый огонек разогнал призраков по углам, откуда те щерились неясными тенями.

Закрывать глаза было страшно.

Казалось, я вот-вот очнусь в холодном больничном коридоре — ведь палату нищей машинистке никто выделять не станет — и вернусь в безрадостную, безнадежную старость.

То и дело я украдкой ощупывала себя. Проверяла, по-прежнему ли нахожусь в девичьей светлице, в привычной ночнушке, под любимым толстым одеялом. Наматывала плотнее матушкину шаль вокруг плеч, поправляла чепец.

Еще бы к зеркалу бегала, но мне было жаль тревожить Дуняшу. Она и так, бедная, проваландалась со мной до глубокой ночи. То водички барышне, то огонек зажечь, то потушить... Пусть отдыхает.

Лишь когда за окном порозовело, я забылась коротким, тревожным сном. Чтобы подскочить с первым петушиным криком и метнуться к трюмо.

— На месте! — выдохнула с облегчением, щипая себя за щеки, чтобы вернуть им румянец.

С синяками под глазами от недосыпа ничего не поделать. После обеда вздремну, может, получится хоть при свете дня расслабиться.

— Что с вами творилось-то ночью, барышня? Вертелись, как ужица на сковороде, — проворчала Авдотья, ставя таз для умывания. — Проголодались, что ли? Сказали бы, я б вам печенье с молоком принесла.

— Нет, все хорошо, — искренне и широко улыбнулась я. — Просто мысли в голову лезли всякие.

— Дело вы сложное затеваете, нелегко будет, — понима-

юще закивала Дуняша. — Может, передумаете? Не женское это занятие, в литерах копать да среди рабочих отираться.

— Лучше так, чем побираться и каждую копейку считать,— резковато отозвалась я и мягче добавила: — Ты подумай вот о чем. Выйду я замуж — и что, продолжать у папеньки деньги брать? Или дома сидеть, рассчитывая на милость супруга? Свой доход должен быть, чтоб жених будущий не расслаблялся.

По закону все имущество жены после брака переходило к мужу. Единственное исключение — недвижимость. На чье имя записан дом или фабрика, тому и принадлежат. Девиц чаще всего выдавали с запасом тканей, денег и драгоценностей. Практически подарок новой семье.

Потому я заранее собиралась себя обезопасить и с этой стороны. Брать с меня нечего, все вложено в типографию — так претендентам на руку и буду говорить. Посмотрим, кого привлечет столь «завидная» невеста.

Не то чтобы я вовсе не хотела замуж. Хотела, конечно. Только чтоб жениха привлекали не материальные блага, ко мне прилагающиеся, а я как личность.

Другой вопрос, что найти такого энтузиаста посложнее, чем сенсацию в тихом провинциальном городке.

День мне предстоял суматошный.

Нужно было обойти мебельные и строительные мастерские, выбрать и заказать все необходимое для издательства — ведь, кроме станков, есть шкафы, полки для архива, сто-

лы для редакторов и журналистов и многое другое.

Договориться об уборке — у нас с папенькой слуг мало, послать их выдраивать целый цех невозможно. Наняла со стороны, в агентстве. Как только получу ключи, запущу первым делом бригаду.

Одни крысы в подвале чего стоят! Опасное соседство и для здоровья работников, и для хранящихся там бумаг. От них следует избавиться в первую очередь.

Попросила еще стены покрасить, чтоб основательно освежить помещения. А до того прежнюю облупившуюся краску ободрать. Еще один рассадник заразы.

Забегала к модистке.

Госпожа Мартыновская заказу изрядно удивилась. Лекал штанов у нее готовых не было — ведь для мужчин шили портные. Но совместными усилиями мы изобразили нечто относительно пристойное. Прямо на мне, как на манекене.

Сначала я думала про шаровары наподобие османдских. Но после вспомнила иную модель — настолько широкую и просторную, что на первый взгляд смахивала на обычную юбку. Если к ней еще запах не забыть — никто не заподозрит меня в неподобающем поведении. И в то же время удобнее бегать будет.

В том, что мне придется бегать, я почему-то не сомневалась.

Та же слежка за фокусником потребует ловкости и скорости.

После обеда поспать не удалось: задержалась в лавках до глубокого вечера. Зато проблем со сном в эту ночь не испытывала. Так умаялась, что уснула чуть ли не раньше, чем голова коснулась подушки.

Следующий день прошел не менее активно. Я забрала заказ у швеи — править почти ничего не пришлось, хвала уму и опыту госпожи Мартыновской, новые брюки сели как влитые. Жилетка и короткая меховая накидка довершили образ деловой, донельзя занятой барышни.

Ногам стало теплее, в походке появилась легкость.

Страх вновь очнуться в прежней, увядающей жизни потихоньку отступал, но не уходил совсем. Все еще казалось, что в любой момент меня может вернуть туда, где я всеми позабыта и брошена.

Именно потому хотелось прожить каждое мгновение по-другому. Более насыщенно, более вдумчиво. Не впустую.

Прежде я не обращала внимания на мелкие радости жизни вроде горячего чая в мороз или хрустящей корочки на прянике. Сейчас же каждая крошка, каждый глоток становились глубоким чувственным переживанием. Воздух казался слаще, небо голубее, солнце — ярче.

А подруги остались все такими же болтушками.

Заветный вечер циркового представления наступил незаметно быстро.

Вроде только что я крутилась как белка в колесе, сиюсь объять необъятное и успеть все разом, как вот уже ключи от типографии увесисто оттягивают мой карман, в помещении шуршат уборщики, а на крыльце топчутся две разодетые барышни, нетерпеливо ожидая моего появления.

Им тоже хотелось глянуть на новое приобретение Мещерских.

— Какая ты умничка! Папенька не возражал? Дорого обошлось? — засыпала меня вопросами Люда, налетая с объятиями и тут же вихрем уметаясь в глубины здания, не дожидаясь ответов.

— Разрешения все получила? — куда сдержаннее поинтересовалась Триша.

Она и двигалась неторопливо, с достоинством, хотя по объемам была самой хрупкой из нас трех. Я находилась примерно посерединке между сухопарой Кручинской и пышной, как сдобная булочка, Яровской.

Я взяла подругу под руку и повела по этажу.

— Губернатор заявление подписал, с этим проблем нет. Из цензорного комитета пока ответа не прислали, но не думаю, что возникнут сложности, — пожалала плечами. — Бумаги все нужные собрала, нареканий у нас с папенькой никогда не было, опять же — репутация. После праздников уже и откроемся.

— Ты и правда умничка, — улыбнулась Триша. — Жаль, мои родители не пускают меня в торговлю. Зачем только

училась всему...

Кручинская получила отличное по меркам нашей провинции домашнее образование. К ней ездили учителя по математике, истории, физике и химии — эти аж из столицы, а также по самым необходимым любой воспитанной барышне рисованию, музицированию и вокалу. Пожалуй, по эрудиции разве что я могла с ней сравниться, и то потому, что за отцом ходила хвостиком с малолетства.

Для чего давали ей образование, мне тоже было не совсем понятно: замуж Тришу отдали за махрового торгаша. Не купца, с претензией на аристократичность, и не предпринимателя с амбициями, а самого банального лавочника. Ну разве что место у заведения господина Лиховецкого было выгодным и располагалось поблизости от склада Кручинских. Отец ее верно рассудил: зачем возить далеко, к самой набережной, если можно сбывать товар не тратясь особо на транспортировку? Всего-то и надо выгодно выдать дочь.

Можно сказать, продать.

Подозреваю, что дела у Кручинских в тот момент шли не особо хорошо. Иных объяснений у меня нет, Тришу в семье любили и всячески баловали. Правда, кроме нее подрастали еще два брата и малышка-сестра, которых тоже нужно было как-то матримониально устроить.

Да и будущий супруг ее женихом производил благоприятное впечатление. Не пил, шашней не водил, копеечку берег. После свадьбы зато выяснилось, что нрав у него суровый,

а копеечку господин Лиховецкий берег излишне тщательно. Трише запрещалось покупать косметику, шить новые наряды — зачем, если куча старых платьев в шкафу, перешей да ходи себе. Не говоря уже о расходах на дом. Все чеки проверялись с лупой, в случае обнаружения «растрат» на подругу орали, а то и прикладывали кулаки.

Я крепче сжала тонкий локоть Триши.

Пусть они в свое время не отзывались на мои мольбы о помощи — не от хорошей жизни так поступили. Сами выживали, как могли.

Пожалуй, следует о них в этой позаботиться. Предупредить хоть, а то и помочь с браком получше.

Но задача эта не самая насущная.

А вот фокусника выследить нужно уже сегодня. Самое сложное — я понятия не имею, как выглядит господин Завьяловский! Разве что по портретам в нашей же газете судить могу. Но там не снимок был, а нарисованный художником, причем посмертно. Так что достоверность сомнительна.

Ярмарка, раскинувшаяся вокруг циркового шатра, была в самом разгаре, несмотря на позднее время. На улице уже смеркалось, зато яркие огни каруселей и деревянных, наскоро поставленных лавок переливались всеми оттенками радуги. Цветной бумаги для украшения не пожалели.

Пахло корицей, сладкой ватой и леденцами. К соблазнительным ароматам примешивался душок пота торговцев и конского навоза. Неизбежное зло, сопутствующее праздни-

кам.

Билеты у нас уже были, так что мы миновали будку и сразу протолкались ко входу. Цирк — не театр, снимать верхнюю одежду никто не предлагал. Я и не стала, только шубку расстегнула и шарф размотала. Внутри было не так уж жарко. Теплее, чем снаружи, чтобы сидящие не задубели, и ладно.

Тришу и Люду я пропустила вперед, сама устроилась с краю. Сразу после выступления фокусника планировала выскользнуть из зала и подкараулить его. Кажется, он в тот же день и отправится заниматься своими черными делами. Повезет, если так. Я же не могу всю ночь его сторожить! Приличной девушке нужно дома спать, а не по переулкам шастать.

Программа оказалась насыщенной и довольно интересной. Летающие под куполом гимнастки вызвали восторг мужской части зрителей, а конкурс силачей — женской. Дети пищали и верещали от каждого чиха, перевозбужденные самой атмосферой чуда.

Дрессированный медведь выглядел упитанным и довольным жизнью, а лошади и собачки лоснились ухоженной шерстью. Даже мне, не переносящей мучений животных, показалось что их здесь не сильно обижают. Четвероногие артисты выступали с энтузиазмом, ни разу не сбились и не опозорились.

Господин Завьяловский вышел ближе к концу.

Худощавый мужчина среднего роста ничем не выделял-

ся. Разве что завитыми, сияющими в свете ламп усищами — но те, скорее всего, часть костюма и исчезают по окончании шоу. Очень уж ненатурально они выглядели.

Его умения особо не удивили. Исчезающие платки, превращающиеся в цветок бантики, вылетающие из пиджака голуби — классика. Видела я и не такое, пока в столице жила. Прямо на улицах иногда выступали более выдающиеся специалисты своего дела.

Зато номер «Письмо из будущего» вызвал мой немалый интерес.

— Уважаемый губернатор, прошу вас подписать конверт! — фокусник помахал над головой желтоватой бумагой. — Это письмо — от вас всем уважаемым зрителям нашего увлекательного представления! Вы передадите мне его завтра. Не забудьте!

— Да неужто? — прогудел градоначальник, грузно поднимаясь с места.

Посмеиваясь, он размашисто подписал где указано, на радость мошеннику.

Конечно, не все так просто. Господину Скрябинскому не подложили вексель обратной стороной, это было бы слишком рискованно. Фокусник уже давно освоил и подпись, и почерк градоначальника, как и многих других зажиточных горожан.

Что и доказал мгновение спустя.

Конверт вспыхнул и рассыпался сотней ярких искр. Гос-

подин Завьяловский широким красивым жестом обвел зал и указал на сидевшую у стены даму:

— В кармане вашего пальто — то самое письмо!

Женщина, краснея и смущаясь, пошарила по себе, нащупала конверт и показала зрителям, чтобы те дружно подтвердили — подпись та самая!

— Вскрывают! — разрешил фокусник.

Дама, запинаясь, прочитала короткое пожелание приятного вечера. Стандартная, ни к чему не обязывающая фраза, часто произносимая в приличествующих случаю речах. Потому все дружно признали, что это точно написал сам губернатор — из будущего.

Вечер удался.

Под бурные аплодисменты господин Завьяловский раскланялся и позвал добровольца на распил.

Не дожидаясь, пока фокусник скроется за кулисами, я шепнула Трише:

— Меня не ждите, я срочно домой. Кое-что забыла.

Дуняшу я заранее предупредила, чтобы возвращалась без меня. Мол, задержусь с подружками.

Надеюсь, они не начнут сверять показания и не поднимут панику по поводу моего внезапного исчезновения.

Под прикрытием темноты прокралась мимо служанки, не привлекая внимания. Она настолько была поглощена зрелищем, что ничего не заметила.

Похрустывая свежим настом, я оббежала шатер и замер-

ла у служебного выхода, притаившись за складкой плотной ткани.

Фокусник не выходил.

Туда-сюда прошмыгнули чернорабочие, вынося мешки с опилками и ящики с реквизитом.

Господина Завьяловского все не было видно.

Неожиданно мой рот зажала широкая ладонь, а подозрительно знакомый голос шепнул в ухо:

— Вы кто такая и что, к песям собачьим, здесь делаете?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.